

Безысходные данные ВАЛЕНТИН СЕРОВ В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

Анна Толстова

«Портрет императора Николая II»,
1900 год

ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ ОТМЕЧАЕТ 150-ЛЕТИЕ ВАЛЕНТИНА СЕРОВА ОГРОМНОЙ РЕТРОСПЕКТИВОЙ НА ТРИ ЭТАЖА ЗДАНИЯ НА КРЫМСКОМ ВАЛУ, ТОЛСТЕННЫМ КАТАЛОГОМ, ТОЛСТЕННЫМ СПЕЦВЫПУСКОМ МУЗЕЙНОГО ЖУРНАЛА И МОБИЛЬНЫМ ПРИЛОЖЕНИЕМ ДЛЯ ПЛАНШЕТОВ, С ПОМОЩЬЮ КОТОРОГО СЕРОВСКИЙ КАТАЛОГ МОЖНО СКАЧАТЬ ЦЕЛИКОМ И ГОРАЗДО ДЕШЕВЛЕ. ПУБЛИКА ОТМЕЧАЕТ ЮБИЛЕЙ ДЛИННОЙ ОЧЕРЕДЬЮ НА ВЫСТАВКУ ДАЖЕ В БУДНИЕ ДНИ, ТАК ЧТО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ ТРЕТЬЯКОВКА ТЕПЕРЬ РАБОТАЕТ ДО 21.00. КОЛИЧЕСТВО ДОЛЖНО ПЕРЕРАСТИ В КАЧЕСТВО, ДОКАЗАВ, ЧТО ВАЛЕНТИН СЕРОВ — БОЛЬШОЙ МАСТЕР ЕВРОПЕЙСКОГО МАСШТАБА

ТРЕТЬЯКОВСКАЯ «Девочка с персиками» — первая картина, которую мы видим на выставке, «Ида Рубинштейн» из Русского музея — последняя. Первую принято считать вершиной серовского импрессионизма, вторую — вершиной русского модерна. Все, сделанное Валентином Серовым (1865–1911) за его сравнительно недолгую жизнь, что удалось заполучить на выставку из 24 отечественных, четырех зарубежных музеев и частных коллекций, помещено между этими реперными точками. Один этаж — живопись, второй — графика, третий — театр и иллюстрации, в том числе мирискуснические фантазии об императорском Петербурге XVIII века, что тоже в своем роде театр. И всюду главенствующий жанр — портрет. Русский музей в своей юбилейной выставке попытался избавиться Серова от ненавистного ему клейма портретиста — получилось занятно, но странно, как будто бы что-то очень важное о художнике утаили. А тут оно, это важное, выходит на свет и вроде бы должно нас убедить: вот, извольте видеть, большой европейский мастер. Конечно, мастер: с этим трудно спорить, и если Русскому музею по причине наложенной на себя епитимьи пришлось брать в экспозицию вещи не самые удачные, а неудачи случаются и у больших мастеров, то выбор Третьяковки почти безупречен, и зрителю разве что остается жалеть, что «Анна Павлова в балете „Сильфиды“» осталась в Петербурге. Но и слава богу: угольно-меловая «Павлова» очень хрупка. Конечно, мастер европейский — частью в Европе, частью в России росший и учившийся, много в Европе бывавший и выставившийся, все-то про тамошних сезаннов знавший и от непризнанности на Западе страдавший. Однако какого рода это большой европейский мастер — загадка.

Взять ту же «Девочку с персиками» 1887 года и поместить ее рядом с «Девочкой с кнутиком» 1885 года — той, что из Эрмитажа, кисти Ренуара, и вообще-то не девочка, а мальчик, так что правильнее звать ее «Ребенком с кнутиком». И сразу становится ясно, что пресловутая «особенная свежесть», которой Серов так долго и мучительно, больше месяца терзая свою шаловливую натуру сеансами, добивался, в которой, быть может, и есть важное содержание его искусства и ради которой он все же не мог пожертвовать законченностью, как у старых мастеров, бесконечно далека от импрессионизма. Или взять «Иду Рубинштейн» 1910 года, и поместить ее рядом — да хоть бы с картинами художников окраин нашей и сопредельной империй, с Галлен-Каллелой или Выспяньским. Не будем вспоминать о Климте, Шиле и Ходлере, чтобы не выглядеть совсем глупо. Нет, право слово, пусть уж вершинами русского модерна будут Врубель с Бакстом, а авангардная, особенно в контексте всего серовского творчества, «Ида Рубинштейн» останется нашей любимой и очень русской в своей экстравагантности, одновременной лощености и непричесанности картиной. Нам, понимающим, какой он бесподобный художник, непременно хочется выстроить для него достойный его ряд, и очень было бы приятно, когда бы ряд этот начинался Ренуаром, а заканчивался Климтом и Шиле, но, увы, никак не вытанцовывается. И даже ряд, какой нас, любителей громких имен, устроит куда меньше, от Менцеля с его историческими прозрениями, психологическим инсайтом и стихийной философией фрагмента, до Уистлера с его гармониями в сером и черном — не вычерчивается.

«Портрет художника К. А. Коровина»,
1891 год

«Портрет художника И. И. Левитана»,
1893 год